

Н.Н. Муравьев

**Русские на Босфоре в 1833
году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Муравьев**
Русские на Босфоре в 1833 году / Н.Н. Муравьев – М.: Книга по Требованию,
2020. – 570 с.

ISBN 978-5-518-08948-8

ISBN 978-5-518-08948-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Пребываніе въ Петербургѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1832-го года было получено въ Петербургѣ извѣстіе о пораженіи Турокъ подъ Гомсомъ; за симъ слѣдовали тревожныя вѣсти о дальнѣйшихъ успѣхахъ побѣдителей, занятіи Аданы и быстромъ движеніи Ибрагима-паши къ тѣснинамъ Тавра. Столь блистательные успѣхи Египетскаго паши противъ султана предвѣщали въ Оттоманской имперіи переворотъ, который могъ имѣть вліяніе на спокойствіе Европы. Обстоятельства сіи всего болѣе касались Россіи; но прозорливость Государя прежде другихъ постигла послѣдствія, которыя могли произойти отъ ослабленія Порты, послѣ Адрианопольскаго мира. Его одного, среди совѣтниковъ и окружающихъ вельможъ, озабочивали сіи обстоятельства. Цѣль Его была остановить на первыхъ порахъ быстрые успѣхи паши, впредь до принятія прочнѣйшихъ мѣръ къ сохраненію владычества султана. Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра Великаго.

Находясь въ то время въ Петербургѣ, въ отпуску, я предполагалъ уже выѣхать обратно въ Тульчинъ, къ 24-й пѣхотной дивизіи, коей былъ начальникомъ, какъ узналъ отъ графа Бенкендорфа, что выѣздъ мой долженъ отмѣниться, по случаю возлагаемаго на меня Государемъ порученія (по-

дробностей не считалъ онъ себя въ правѣ объяснять) и въ то же время дежурный генералъ увѣдомилъ меня запискою о волѣ Государя, чтобъ я оставался въ Петербургѣ по надобностямъ службы, впредь до особаго назначенія.

Мнѣ желательно было предварительно узнать, какаго рода могло быть порученіе, для того чтобы имѣть время изготавиться къ какому-либо внезапному и дальнему путешествію. Военный министръ, у когаго я нарочно по сему случаю былъ, повидимому, самъ не зналъ предначертаній Государя, возродившихся, какъ выше сказано, отъ собственныхъ соображеній Его Величества и хранившихся нѣкоторое время въ совершенной тайнѣ. Я могъ только узнать отъ министра, что буду въ сношеніяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельроде; отъ графа же Алексѣя Федоровича Орлова, которому, казалось, Государь сообщилъ свою мысль, слышалъ, что порученіе будетъ касаться Востока.

Вскорѣ послѣ того, военный министръ письменно предложилъ мнѣ явиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, который объявилъ мнѣ вкратцѣ порученіе Государя, заключавшееся въ передачѣ угрозы отъ имени Его Величества Египетскому пашѣ, дабы тѣмъ остановить быстрые успѣхи его въ военныхъ дѣйствіяхъ. Графъ Нессельроде объяснялъ, что нашествіе Египетскаго паши грозило паденіемъ Турецкой имперіи, коей слабое и разстроенное состояніе было самымъ лучшимъ поручительствомъ спокойствія нашихъ южныхъ границъ, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ Европы и предвидѣвшейся всеобщей войнѣ по дѣламъ Бельгій. «Завоеваніе Турціи Мегмедъ-Али-пашею», говорилъ онъ, «могло бы, съ возведеніемъ новаго лица на престолъ турецкій, возродить новыя силы въ семъ упадающемъ царствѣ и отвлечь вниманіе и силы наши отъ дѣлъ Европы, а «потому Государя особенно занимало удержаніе султана на колеблющемся престолѣ его».

Кто знаетъ графа Нессельроде, тому извѣстно, сколько че-

ловѣи сей нерѣшителенъ; въ подобныхъ разговорахъ онъ всячески устраняеть отвѣты на дѣлаемые ему возраженія или вопросы, какъ бы откладывая отзѣвы свои до другаго раза, и опасаясь дать ихъ, безъ посредничества совѣщателей, отъ которыхъ, по видимому, мнѣнія его зависятъ. Здѣсь правила его были еще болѣе замѣтны; ибо въ разговорѣ не могло укрыться, что онъ, въ семъ случаѣ, былъ единственно исполнителемъ собственныхъ мыслей Государя, коихъ пользы, онъ, казалось, не признавалъ, какъ всякой мѣры рѣшительной, грозящей смутными послѣдствіями.

Сличая рѣчи его со свѣдѣніями, доходившими до меня постороннимъ образомъ, можно было заключить, что первая мысль Государя была — послать немедленно войска въ помощь султану; но онъ пріостановился въ томъ, какъ по многотрудности экспедиціи, такъ и по неувѣренности, приметъ ли съ удовольствіемъ такое дѣятельное участіе въ дѣлахъ Турціи самъ султанъ, недовѣрчивый къ дружбѣ Государя. Казалось, что мысль объ угрозѣ Мегмедь-Али-пашѣ была уже послѣдствіемъ сего перваго предположенія; но и къ допущенію сей мѣры нужно было согласить султана, который могъ опасаться, чтобы подъ симъ предлогомъ не скрывались какія-либо тайныя дружественныя сношенія съ Египтомъ, во вредъ Портѣ.

Когда такимъ образомъ объяснилось въ общихъ очеркахъ порученіе мое, графъ Нессельроде спросилъ, приму ли я на себя исполненіе его, и, по изъясненіи готовности моей исполнить волю Государя, онъ сказалъ, что доложить о томъ Его Величеству и пришлетъ ко мнѣ вчернѣ написанное наставленіе, чтобы я могъ сдѣлать на немъ тѣ замѣчанія, которыя сочту нужными, для пополненія или измѣненія нѣкоторыхъ предметовъ.

Меня увѣрили, что дѣло сіе требовало весьма большой поспѣшности; однако же, обѣщанное наставленіе было прислано ко мнѣ только чрезъ нѣсколько дней, съ требованіемъ

скорого отвѣта. Я прочиталъ его; оно было болтливо: на-
попшено изворотливыми выраженіями, неопредѣлительностями
и двусмысленностями, какъ обыкновенно пишутся у насъ ди-
пломатическія бумаги. Сначала заключался, въ сей инструк-
ціи, краткій обзоръ состоянія дѣлъ, далѣе излагались опа-
сенія Двора нашего, чтобы со сверженіемъ султана съ пре-
стола не лишиться выгодъ, приобретенныхъ нами посред-
ствомъ Адрианопольскаго трактата, и чтобы Царь-градъ не
сдѣлался пристанищемъ сословія безпокойныхъ людей, из-
гнанныхъ изъ своего отечества и нашедшихъ пріютъ въ Егип-
тѣ; наконецъ мы опасались сосѣдства могущей возродиться
сильной державы, вмѣсто разслабленной Турціи. Въ инструкціи
выставлялось выгодное впечатлѣніе, произведенное въ Портѣ вы-
зовомъ изъ Александріи консула нашего Лавизона. Лавизонъ
доносилъ, что, при послѣднемъ свиданіи его съ Мегмедомъ-Али,
паша выразился въ слѣдующихъ словахъ: «Удаленіе наше,
«безъ сомнѣнія, знаменуетъ дѣйствія Двора, твердаго въ до-
«говорахъ своихъ и неизмѣннаго въ правилахъ: я опасуюсь,
«чтобы Россія не оказала вспомошествованія султану. Всѣ
«разсчеты мои чрезъ то разстроятся; тогда бы надобно мнѣ
«остановиться; но я увѣренъ, что Дворъ вашъ не отозвалъ
«бы консула своего, еслибъ ему извѣстны были успѣхи мои
«въ Сиріи». — Мое посольство должно было служить отвѣ-
томъ; мнѣ вручалось подлинное письмо Государя къ султа-
ну. Порученіе мое заключалось въ двухъ предметахъ: во
первыхъ, убѣдить султана въ искренности намѣреній наше-
го Двора, и во вторыхъ, склонить пашу Египетскаго къ миру.

Дѣйствуя по первому предмету, я долженъ былъ, сово-
купно съ нашимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ,
дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бутеневымъ, от-
клонить мысль, которая могла бы возродиться у султана, что
мы принимаемъ участіе въ дѣлахъ его, единственно съ на-
мѣреніемъ вмѣшаться въ дѣла Востока; что мы, соревнуя
Англичанамъ, у коихъ уже султанъ просилъ пособія, ста-

раемся предупредить ихъ. Между тѣмъ не должно было предлагать ни участія, ни прямыхъ пособій: мнѣ должно было поставить на видъ султану, что Государь, не допуская въ своихъ дѣлахъ участія постороннихъ державъ, не домогается также участія въ дѣлахъ чужихъ, и подтвердить собственныя выраженія Его Величества, помѣщенные въ письмѣ къ султану, что—Онъ «врагъ возмущенія и вѣрный другъ султана». Это же выраженіе долженъ я былъ передать и пашѣ Египетскому. Мнѣ ставили на видъ, что порученіе мое не состояло въ дипломатическихъ переговорахъ, но что предметомъ его было одно слово Государя, которое, чрезъ посредство мое, должно было поразить пашу и внушить ему благія намѣренія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляли мнѣ въ обязанность—быть умѣреннымъ въ разговорахъ съ пашею, но требовать немедленнаго превращенія военныхъ дѣйствій на сукомъ пути и на морѣ, чѣмъ единственно могъ онъ изгладить негодованіе Государя на него. Еслибы паша согласился на мои представленія и предложилъ мнѣ посредничество, для примиренія его съ султаномъ, то—не принимать на себя этой обязанности, но склонить его, чтобы онъ прямо обратился къ Портѣ, ибо Государю неприлично было принять на себя посредничество между султаномъ и пашею. Въ семъ случаѣ, цѣль посольства моего была бы уже достигнута, остальное должно было довершиться временемъ. Но еслибы паша сталъ отговариваться отъ исполненія сего, то я обязанъ былъ объявить ему, что, каковы бы ни были успѣхи преступныхъ его намѣреній, рѣшеніе Государя не мѣнится, что даже, еслибы ему и удалось свергнуть султана, то Россія поддержитъ силою оружія права, приобрѣтенныя договорами ея съ Портою.

Мнѣ предписывалось по возможности сократить время пребыванія моего въ Царѣградѣ на пути въ Египетъ, отъ чего зависѣлъ отчасти успѣхъ въ дѣлѣ, и поспѣшить возвращеніемъ въ Константинополь, для увѣдомленія Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ о послѣдствіяхъ моего посольства въ Египетъ; наконецъ, каковы бы они ни были, сказано было въ инструкціи, предпринимаемыя мѣры клонились къ убѣжденію всѣхъ, что судьбы Востока не рѣшаются безъ участія Россіи.

Въ концѣ книги находятся копіи съ подлиннаго наставленія, даннаго мнѣ подѣ буквою А, съ приложеніемъ донесенія консула Лавизона подѣ буквою В.

Перечитывая данное мнѣ наставленіе и вникая въ содержаніе его, я всего болѣе былъ пораженъ ожидаемымъ успѣхомъ отъ угрозы, не поддержанной немедленнымъ отправленіемъ войскъ, о коихъ даже не упоминалось. Паша могъ насмѣяться надъ сею угрозою, и чѣмъ тогда поддержать ее? Догадываясь о цѣли моего порученія, или узнавъ отъ него постороннимъ образомъ, онъ могъ даже и совсѣмъ не принять меня; какое тогда предстояло средство для объявленія ему воли Государя? Другой предметъ также казался мнѣ болѣе чѣмъ страннымъ: въ концѣ инструкціи предписывалось мнѣ въ послѣдней крайности объявить пашѣ, въ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ, что еслибъ онъ испровергъ и престолъ султана, Россія, непоколебимая защитница правъ своихъ, пріобрѣтенныхъ Адрианопольскимъ трактатомъ съ Портою, силою оружія поддержала бы ихъ противъ всякаго нарушителя. Чтобы оставалось мнѣ дѣлать, еслибъ паша отвѣчалъ мнѣ на сіе, что онъ, съ низверженіемъ султана, счелъ бы обязанностію сохранить во всей силѣ договоръ нашъ съ Портою, и доказалъ бы мнѣ собственными моими словами, что на меня возлагалось защищать не султана, а трактатъ Адрианопольскій? — что было бы совершенно противно всей цѣли посольства; ибо мы въ такомъ случаѣ пріобрѣтали именно то, чего опасались, т. е. вмѣсто султана, сосѣда сильнаго и безпокойнаго. Я записалъ эти два замѣчанія на поляхъ присланной мнѣ инструкціи и отвезъ ее графу Нессельроде, который нашелъ ихъ справедливыми и обѣщалъ исправить сіи статьи.

Графъ Орловъ пользовался тогда большою довѣренностью у Государя; онъ не занималъ какого либо опредѣленнаго мѣста при дворѣ или въ совѣтѣ государственномъ, но принималъ въ то время участіе въ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ, по сношеніямъ съ другими дворами, и потому имѣлъ сильное вліяніе въ дѣлахъ. Новыя обстоятельства, которыя ему болѣе были извѣстны, чѣмъ другимъ, сблизили меня съ нимъ; онъ показывалъ много благонамѣренности и готовности быть мнѣ полезнымъ въ предстоявшихъ сношеніяхъ. Я совѣтовался съ нимъ по всѣмъ предметамъ, касавшимся моего посольства.

Полагаю, что онъ сблизился со мною, по государеву приказанію, на которое онъ однакоже никогда не ссылался; но я счелъ нужнымъ предупредить о томъ вице-канцлера Нессельроде, который одобрилъ сношенія мои съ графомъ Орловымъ. Ловкость и обходительность сего царедворца привлекательны; я не могъ никогда себѣ объяснить вполне причинъ, побудившихъ его къ принятію столь близкаго участія во всемъ, что тогда до меня даже лично касалось; но во мнѣ возродилась невольнымъ образомъ мысль, что порученіе сіе было сперва возложено на него и что онъ, увлочившись отъ сего посольства, сомнительнаго въ успѣхѣ и сопряженнаго съ трудами, предложилъ меня Государю, какъ чловѣка, болѣе знакомаго съ дѣлами Востока. Я часто видѣлся съ графомъ Орловымъ, жившимъ тогда въ моемъ сѣдствѣ, и сообщилъ ему мнѣніе свое на счетъ инструкцій; онъ находилъ сужденія мои основательными и требовалъ отъ графа Нессельроде исполненія, по сдѣланнымъ мною замѣчаніямъ. Неменѣе того, когда я изображалъ графу Орлову неопредѣлительность всего порученія, то онъ говорилъ, что самъ не постигаетъ цѣли, и какого можно ожидать отъ исполненія его успѣха, но что на сіе была собственная воля Государя; я такъ графъ Орловъ, въ то время, мнѣніемъ своимъ также не согласовался съ мыслию Государя. Никто не предвидѣлъ тогда важныхъ послѣдствій сего посольства, и всѣ опорочивали мѣру сію.

По волю Его Величества и съ распоряженія военнаго министра, былъ назначенъ для состоянія при мнѣ гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Дюгамель, котораго одинакоже снабдили особеннымъ наставленіемъ, опредѣлявшимъ занятія его; а мнѣ велѣно содѣйствовать ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Дюгамелю поручалось, на пути изъ Одессы въ Константинополь, собраніе свѣдѣній о положеніи Турецкихъ вѣрностей и о мѣрахъ, принятыхъ для возстановленія ихъ, послѣ заключенія мира съ Портою. Въ Константинополь онъ долженъ былъ озаботиться собраніемъ свѣдѣній о состояніи Турецкихъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Ему было сказано, что изъ Константинополя онъ будетъ мною отправленъ въ Египетъ сухимъ путемъ, чтобы обозрѣть дѣйствующія силы Турціи, состояніе Сиріи, узнать о духѣ жителей ея и положеніи Египетской арміи. Въ Египтѣ онъ долженъ былъ узнать о морскихъ и сухопутныхъ силахъ Мегмедъ-Али-паши и о способахъ, какіе онъ имѣетъ для продолженія войны;—всѣ сіи свѣдѣнія обязанъ онъ былъ доставить прямо отъ себя военному министру; мнѣ же предоставлялось сообразить данныя ему порученія съ обстоятельствами, такъ чтобы не подвергнуть его очевидной опасности.

Дюгамель былъ человекъ весьма образованный и трудолюбивый, но не имѣлъ той опытности, какая потребна въ такихъ случаяхъ; онъ дурно зналъ по-русски, былъ сложенія слабаго и по нелюдкости своей, всего менѣе способенъ къ обхожденію съ Азіятцами и пріобрѣтенію довѣренности, что казалось необходимымъ. Служебныя отношенія его ко мнѣ были также весьма двусмысленны, и хотя онъ исполнилъ нѣкоторыя письменныя порученія, мною ему данныя, но въ семь случаѣ, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы я имѣть при себѣ офицера, менѣе образованнаго, но болѣе свыкшагося съ дѣлами и менѣе равнодушнаго къ успѣху главнаго дѣла.

Медленность, съ которою изготовляли поспѣшное отправле-

ніе мое и мѣры къ сему принимаемыя, были причиною распространеніи въ Петербургѣ слуха о моемъ выѣздѣ, такъ что многіе спрашивали о моемъ назначеніи съ любопытствомъ, излагая предположенія свои въ безобразномъ видѣ. Въ столицѣ и министерствахъ ничего не можеть остаться въ тайнѣ, и самыя важныя государственныя дѣла вскорѣ ставляються извѣстными: всего болѣе надобно было опасаться отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, наполненнаго иностранцами, коихъ нескромность легко могла отозваться въ Царѣградѣ и Александріи, и тогда я могъ бы лишиться главнаго орудія къ успѣху—внезапности. Наконецъ 3-го числа октября мѣсяца потребовалъ мени къ себѣ Государь.

Государь принялъ меня въ Своемъ кабинетѣ, ласково подвелъ къ окну и спросилъ, достаточно ли въ семъ случаѣ оказывается мнѣ довѣренности. Вопросъ сей былъ сдѣланъ, въ изъявленіе расположенія Его, послѣ небольшого неудовольствія, случившагося въ предыдущемъ мѣсяцѣ на смотру въ Кіевѣ; по приѣздѣ въ Петербургъ, я не могъ скрыть отъ Него моего огорченія, которое Онъ тогда же устранилъ привѣтливимъ обхожденіемъ. Государь нѣсколько разъ повторилъ мнѣ тотъ же вопросъ и послѣ того спросилъ, довольно ли я читалъ по дѣламъ нашимъ съ Турціею и Египтомъ; потомъ изложилъ мнѣ словесно все содержаніе пересмотрѣнной мною инструкціи, съ твердостью и краснорѣчіемъ, и наконецъ спросилъ, все ли мнѣ вразумительно и не имѣю ли чего спросить у Него лично.

Неумѣстно было бы мнѣ дѣлать возраженія по дѣлу уже рѣшенному, и выставлять противорѣчія, заключавшіяся въ инструкціи и замѣченныя мною уже графу Нессельроде, тѣмъ болѣе, что отъ меня самого зависѣло поправить ихъ; я отвѣчалъ, что постигаю мысль Его, и постараюсь исполнить Его приказаніе; но, имѣя въ виду поддержаніе войсками предположенной угрозы Египетскому пашѣ, я просилъ позволенія изложить мысли свои о средствахъ, казавшихся удоб-

ными для остановленія успѣховъ Египетской арміи, не вводя нашихъ войскъ въ Турецкія владѣнія.

«Какія, какія, говори!» сказалъ Государь.

— Можно склонить Персію къ войнѣ съ Египтянами, — отвѣчалъ я, — и тѣмъ отвлечь вниманіе ихъ отъ Турціи, по крайней мѣрѣ, дать султану время оправиться.

— «У насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить между собою сосѣдей своихъ».

— Это не было бы въ видѣ ссоры, Ваше Величество; я полагаю, что Персія, какъ дружественная держава, приняла бы съ признательностію предостереженіе такого рода; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Мегмедъ-Али своими побѣдами приобрѣтетъ сильное вліяніе и на сосѣдственныя области Персіи». Симиъ возраженіемъ думалъ я исправить непріятное впечатлѣніе, сдѣланное, казалось мнѣ, на мысли Государя, совѣтомъ, поданнымъ, можетъ быть, некстати.

— «Это справедливо», отвѣчалъ государь, «Аббасъ-Мирза и предлагалъ мнѣ уже услуги свои, но онъ теперь занятъ въ Хорассанѣ.» Потомъ, повременивъ нѣсколько и обратившись опять къ посольству моему, Онъ продолжалъ: «Тебѣ Я поручаю дѣло сіе, какъ человѣку, на твердость коего Я совершенно полагаюсь; Я бы не хотѣлъ посылать войскъ и желаю, чтобъ распря ихъ кончилась. Султанъ-Махмудъ вѣрить Петра Великаго, да неудачно..... мнѣ очень выгодно, чтобъ онъ сидѣлъ на турецкомъ престолѣ. Онъ мнѣ нынѣ пожаловалъ свой портретъ, за что Я ему крайне благодаренъ», сказалъ Государь, смѣясь и кланяясь въ поясъ. «Султанъ ко мнѣ очень милостивъ, и Я хочу ему показать Свою дружбу, надобно защитить Константинополь отъ нашествія Мегмедъ-Али. Вся эта война ничто иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европою и въ особенности Франціею. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили ѿднаго Карла X-го. Нынѣ онъ далѣе распространили вліяніе свое и возбу-